

А. С. Епимахова, А. М. Поликарпов

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕРЕЗ ВЕКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЕХ ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ, СОЗДАНЫХ НА ПОМОРСКОМ СЕВЕРЕ

5

На примере трех лексикографических источников – «Словаря москвитов» французского мореплавателя Ж. Соважа, «Малого русско-норвежского словаря» А. С. Кучина и рукописного англо-русского морского словаря Ф. М. Щепетова – освещается лексикографический опыт мореплавателей, связанных с Поморским Севером. Сопоставительный анализ указанных словарей-разговорников, созданных в различные периоды лексикографической деятельности на Поморском Севере, позволяет заметить, что все они составлены людьми, пришедшими к переводу и межкультурной коммуникации через свою основную профессиональную деятельность в условиях отсутствия необходимых для работы лексикографических ресурсов, что отразилось в отборе лексики, структурировании информации, включении грамматических помет и комментариев. Выявленные в словарях отступления от требований, предъявляемых к современным тематическим и терминологическим ресурсам, позволяют получить информацию о ходе работы и личном профессиональном опыте авторов-составителей. Методология исследования характеризуется диахроническим взглядом на имеющийся лексикографический опыт специалистов, занимавшихся мореходством в XVI и XX вв.

The article describes three dictionaries compiled by three outstanding mariners who explored the Pomor North: the "Dictionary of Muscovites" compiled by the French navigator Jean Sauvage in 1586, the "Small Russian-Norwegian dictionary" written in 1907 by polar captain Alexander Kuchin and the "English-Russian Maritime Dictionary" of the Soviet sailor Fedor Shchepetov from Arkhangelsk. A detailed comparative analysis of these sources permits to illustrate different periods of the lexicographical activity in the Pomor North. The three dictionaries were compiled by the people who had got involved in translation and intercultural communication through their professional activities, as they needed specialized dictionaries for work. This influenced the selection of the vocabulary, information structuring, grammatical labels and comments. The revealed deviations from the modern lexicographic requirements shed light on the compilation process and personal professional experience of the compilers. The methodology of this research is based on a diachronic approach to studying the development of specialized maritime glossaries in the 16th and 20th centuries. The research is conducted within the frameworks of integrative translation and linguistic regional studies as a continuation of the project "History of Translation on the Pomor North" supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

Ключевые слова: словарь, разговорник, сопоставительный анализ, профессиональная коммуникация, интегративное переводоведение, лингвокраеведение, Поморский Север.

Keywords: dictionary, phrasebook, comparative analysis, professional communication, integrative translation studies, linguistic regional studies, Pomor North, Russian North.

Предпосылки возникновения интегративного переводоведения и основные идеи данного научного направления, активно разрабатываемого в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М. В. Ломоносова, представлены в статье А. М. Поликарпова [18], поэтому ограничимся здесь отсылкой к ней. Лингвистическое краеведение понимается нами, вслед за отдельными учеными, как междисциплинарная научная отрасль, «в которой исследуются история, этнография, культура региона, его лингвистические особенности» [2, с. 34]. Так, в русле лингвокраеведения могут рассматриваться, например, региональная ономастика или современные методики преподавания русского языка как иностранного. Но не менее важно исследовать и такие интерактивные межкультурные практики, как регионально ориентированная лексикографическая и переводческая деятельность, теснейшим образом связанная с прикладной лингвистикой. Представляется, что лингвокраеведение Поморского Севера должно отражать не только диалектные особенности, но и специфику «языковой составляющей жизни края» [10, с. 94], обусловленную активной межъязыковой и межкультурной коммуникацией в регионе.

Проведенное исследование позволяет углубить представление о роли региональных факторов в прикладной лингвистике в целом и в лексикографической и переводческой деятельности в частности.

Как показали исследования, проведенные сотрудниками Северного (Арктического) федерального университета в рамках научного проекта «История переводческой деятельности на Поморском Севере» при поддержке РГНФ, на Поморском Севере в разные годы был составлен целый ряд лексикографических источников. Часть из них — это полноценные опубликованные издания, часть — рукописи; среди авторов-составителей фигурируют имена как российских подданных и советских граждан, так и иностранцев, что обусловлено региональной спецификой: Архангельск был основан как первый русский морской порт и стал первыми торговыми воротами в зарубежье.

Наиболее ранним словарем, составленным на Поморском Севере, считается «Парижский словарь московитов» Жана Соважа, датируемый концом XVI в. В XVII в. в Холмогорах был написан словарь-дневник Ричарда Джеймса, в 1696 г. — «Нижненемецко-русский рукописный разговорник» Йоханнеса фон Хеймера. В отличие от перечисленных рукописных источников, в начале — первой половине XX в. публикуются печатные словари, например «Краткий русско-английский словарь морской терминологии» В. А. Стюарта, (Архангельск, 1902), «Малый русско-норвежский словарь» А. С. Кучина (1907), «Карманный норвежско-русский словарь» М. Добротворского (Архангельск, 1907), «Русско-норвежский словарь» А. Кошкина (Архангельск, 1912), а также ряд словарей-разговорников, имена составителей которых на настоящий момент неизвестны. Часть указанных источников уже подверглась лингвистическому и переводческому анализу [7; 11; 17; 18].

Весьма интересно, что зачастую составителями (авторами) словарей становились не профессиональные лексикографы и даже не ученые, а люди, в силу своей профессии сталкивавшиеся с носителями иностран-

ных языков. На севере это были прежде всего моряки. Так, именно моряку Жану Соважу приписывается «Парижский словарь московитов», обнаруженный в XIX в. в Парижской национальной библиотеке вместе с рукописью «Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году». Автор словаря, вероятно, совсем не владел русским языком, но тщательно записывал все услышанные им слова и фразы, опираясь на правила французской, немецкой и английской орфографии.

В 1907 г. будущим полярным капитаном А. С. Кучиным был издан «Малый русско-норвежский словарь». А. С. Кучин прожил всего 25 лет, но оставил яркий след как в полярных и океанографических исследованиях, так и в арктическом мореплавании. Многие в России и за ее пределами знают о том, что А. Кучин участвовал в экспедиции Руаля Амундсена на Южный полюс, являлся позднее капитаном шхуны «Геркулес» в составе известной арктической экспедиции под руководством Владимира Русанова. Однако мало кому известно о лексикографической деятельности нашего земляка. А ведь он, не имея специального лингвистического образования, составил двуязычный словарь разговорного типа и издал его в 1907 г. двухтысячным тиражом в издательстве «Помор», находившемся в ту пору в норвежском городе Вардё. Это издание пользовалось в начале XX в. большой популярностью среди поморов-промысловиков, активно контактировавших по роду своей деятельности с норвежцами, а в наши дни незаслуженно забыто. Следует заметить, что в XIX в. Норвегия господствовала в промысловом деле и была основным торговым партнером поморских рыбаков и зверобоев. Из жизнеописания А. С. Кучина, выполненного действительным членом Географического общества В. Я. Боровым, можно узнать, что в то время поморы вели особенно оживленную торговлю с Норвегией [3, с. 7]. В 1903 г. Александр жил в Тромсё в норвежской семье Гундерсенов — так пожелал его отец, глубоко убежденный в том, что «знание языка необходимо будущему капитану, который будет ходить за рыбой в Норвегию» [14, с. 19]. В начале XX в. Александр Кучин владел, скорее всего, риксмоллом, то есть норвежским письменно-литературным языком, который постепенно сложился на датской основе. Можно предположить, что лексикографическая деятельность А. Кучина началась именно тогда, в 1903 г., во время пребывания в Норвегии, где он уже совершенствовал, а не изучал с самых азов указанную форму норвежского языка, и эту лексикографическую работу можно условно обозначить как эмпирическую.

Третий словарь, на который хотелось бы обратить внимание читателя, — это рукописный словарь, составленный архангельским капитаном Ф. М. Щепетовым¹. Он содержит более 8000 слов и выражений и представляет собой тетрадь, сшитую вручную из листов оберточной бумаги и озаглавленную «Тетрадь составляемого мною английского-русского словаря в морской жизни и практики, необходимаго на каждом судне, 1940—42 гг.» (сохранена орфография автора). До 2015 г. до-

¹ Авторы выражают глубокую признательность внучке Ф. М. Щепетова Алле Владимировне Балащенко за предоставленную рукопись из личного архива.

кумент хранился в семье капитана Щепетова и не был объектом лингвистического исследования. Другие рукописи Ф. М. Щепетова не сохранились, поэтому словарь является на настоящий момент единственным доступным источником. Анализ профессиональной лексики, включенной в словарь, был проведен в магистерской диссертации Н. Е. Ентуса и ряде его научных статей, в частности [4; 5], однако представляется, что данный лексикографический источник содержит обширный материал для дальнейшего исследования.

В отличие от Жана Соважа, не владевшего русским языком и общавшегося по крайней мере частично, при помощи переводчика, А. С. Кучин и Ф. М. Щепетов знали иностранные языки на достаточно высоком уровне. А. С. Кучин учился с 1904 по 1909 г. в Архангельском торгово-мореходном училище, уделяя особое внимание иностранным языкам. Известно, что он имел опыт перевода с норвежского языка на русский. При прохождении таможни А. С. Кучин, возвращавшийся из Вардё, был арестован, так как у него были обнаружены патроны и переписка революционного характера [20, с. 34], а также выполненный им перевод статьи под названием «Будут ли норвежские власти служить помощниками русского царя?», опубликованной в газете «Финнмарк» на норвежском языке [22, с. 51]. Имеются свидетельства, что уже после издания словаря А. С. Кучин продолжал изучение иностранных языков: среди его бумаг были обнаружены «Норвежский морской альманах» за 1910 г., а также тетради практических занятий по норвежскому языку [1, с. 143; 21, с. 271 – 287].

Информация о Ф. М. Щепетове собрана большей частью благодаря воспоминаниям его внучки А. В. Балашенко. Ф. М. Щепетов был на 4 года старше А. С. Кучина, он родился в 1884 г., также в семье потомственных моряков. Знание нескольких иностранных языков в семье считалось нормой. Ф. М. Щепетов владел норвежским языком. В Архангельском торгово-мореходном училище он изучал английский, а затем пользовался им как в устной коммуникации на судах, так и в деловой переписке. С 1905 г. капитан Щепетов ходил на судах в морях Северного Ледовитого океана. В 1936 г. С. Д. Лаппо, капитаном судна «Политотделец», было принято решение назвать в честь Ф. М. Щепетова пролив в Карском море [13, с. 240].

Несмотря на то что рассматриваемые переводные словари связаны с разными иностранными языками, их объединяет та роль, которую играли эти языки в коммуникации на Поморском Севере в различные исторические периоды. Учеными отмечаются всплески интереса к словарям и проблематике их составления во время пиков технологического развития [24, с. 101]. В нашем случае создание анализируемых словарей можно связать также с поворотными точками российской истории или ключевыми для Поморского Севера датами. Жан Соваж был капитаном одного из первых французских судов, пришедших в устье Северной Двины в момент, когда завязывались дипломатические отношения между Францией и Россией, а французские моряки открывали для себя путь в Россию через Белое море. Словарь А. С. Кучина составлен

накануне Первой мировой войны, революционных событий в России и интервенции на Севере. Сам Кучин разделял революционные убеждения, известно также, что осенью 1906 г. он подрабатывал в Норвегии в типографии «Финмаркен» и издательстве «Помор» (где был опубликован словарь), «которые содержали русские социал-демократы, выпускавшие нелегальную литературу» [19].

Выбор норвежского языка для составления словаря обусловлен не только стечением обстоятельств и личными интересами А. С. Кучина. Такой ресурс действительно был необходим: Норвегия в начале XX в. являлась важным торговым партнером русского Севера. Русские промысловики вели интенсивную торговлю с населением норвежских провинций Тромс и Финмарк, в результате основывались совместные поселения и возникали родственные связи. «Наиболее деятельные и образованные представители, как с той, так и с другой из сторон, языки своих соседей знали, в большинстве случаев общались без переводчика. И все же с расширением сферы отношений необходимость в словаре имела» [23, с. 56–57].

Словарь Ф. М. Щепетова создан в эпоху, когда не вызывала сомнений важная роль Великобритании и США на мировой арене и в мореплавании, а английский язык приобрел статус мирового и международного. Время создания данного рукописного источника – 1940–1942 гг. (хотя работа, возможно, была начата гораздо раньше): уже началась Великая Отечественная война, в которой Великобритания и США были союзниками СССР, уже шли к портам русского Севера, в том числе к Архангельску, арктические конвои. Между тем, как показал обзор опубликованных словарей морской тематики, доступного морского словаря на тот момент не существовало. Несмотря на то что несколько словарей были изданы в начале и первой половине XX в., их тираж был весьма невелик, к тому же требовалось включение лексики, отражающей стремительный технический прогресс в судостроении и судовом оборудовании.

Надежды на опубликование словаря у Ф. М. Щепетова, вероятно, не было, если учесть репрессии, обрушившиеся в 30-е гг. на его семью. Однако профессиональный интерес и стремление принести пользу побудили его предпринять попытку самостоятельно составить словарь.

Поскольку авторы всех трех исследуемых документов – капитаны морского флота, логично начать анализ с поиска в составленных ими словарях морской терминологической лексики.

В «Словаре москвитов» такой лексики совсем немного: *ung navire – carable* (корабль²), *ung basteau – ladya* (ладья), *ung aviron – vessello*, *ung gouvernal – carma* (корма, а должно быть, как указывает Б. А. Ларин, кормило, т. е. руль [11, с. 122]). Это объясняется тем, что коммуникация проходила на берегу и целью составления словаря-разговорника была, вероятно, запись лексики, необходимой для общения в процессе торговли, а

² Перевод на современный русский язык слов и выражений из словаря Ж. Соважа, за исключением отдельно указанных случаев, – авторов статьи.

не мореплавания. Представлена в данном лексикографическом источнике также лексика, связанная с рыбным промыслом: *ung filet a pescher* – *невет* (невод), *ung amesson* – *уда* (уда), *une baleine* – *bellouga* (кит / белуха, белуга).

В словаре А. С. Кучина присутствуют названия морских профессий и родов деятельности (*морякъ* – *sjømand*; *матросъ* – *matros*; *шкниперъ* – *skipper*; *лоцманъ* – *lods*; *капитанъ* – *kapitein*), представлены общие морские понятия (*море* – *sjø*; *берегъ* – *strand, kyst, land*; *волна* – *bolge*; *волнение* – *sjøgang*; *мышь* – *kar, nes*; *губа (моря)* – *bugt, fjerd*; *гавань* – *havn*; *мель* – *sandbanke* и др.), а также общие понятия мореплавания (*флотъ* – *flaade*; *крушение* – *forlis*). В словаре даются названия судов и их частей: (*судно* – *skib*; *корабль* – *skib*; *яхта* – *jagt, galeos*; *лодка* – *boad*; *барка* – *barkskip*; *ванты* – *vant*; *каюта* – *kahyt*; *мачта* – *mast*; *мостик (нарох.)* – *kommandobro*; *якорь* – *anker* и др.), обозначения орудий труда моряков и морских промысловиков (*багоръ* – *boadshage*; *весло* – *aare*; *канатъ* – *reb, taug*; *неводъ* – *fiskegarn*; *уда* – *agn*; *крюкъ* – *hage*; *компасъ* – *kompas* и др.). В большом количестве представлены обозначения видов рыб (*акула* – *hai*; *бѣлуга* – *hvidfisk*; *зубатка* – *stenbit*; *камбала* – *flyndre*; *налим* – *brosmeco*; *сайда* – *sei*; *треска* – *torsk* и др.), отражены морские животные и птицы (*морж* – *hvalros*; *гага* – *evugl* и др.). В словаре А. С. Кучина можно найти также слова, связанные со строением рыб и продуктами рыболовства (*жабры* – *gjæller*; *чешуя* – *skæl* и др.). Словарь содержит большое количество не только существительных, но и глаголов и прилагательных, связанных с морским делом и морским промыслом: *выловить* – *fange*; *затопить* – *sænke ned*; *фрахтовать* – *fragte*; *морской* – *sjø-, hav-, marine*; *подводный* – *undervands*.

Тот факт, что тематически в словаре А. С. Кучина можно выделить большое количество лексики, относящейся к таким сферам жизни, как морское дело и рыбный промысел, побудил некоторых ученых называть данное лексикографическое издание словарем морских терминов [22, с. 4]. Однако представляется, что это не совсем соответствует действительности в связи с тем, что, во-первых, данная лексика имеет вовсе не специальный характер («океан», «море», «ветер») и, во-вторых, в словарь включены многие другие лексические пласты (названия болезней, продуктов питания и др.).

Такой же довольно свободный подход к отбору лексики присущ и словарю Ф. М. Щепетова: наряду с собственно морской профессиональной лексикой (*ice breaker* – *ледокол*, *battleship* – *броненосец*, *foretop* – *фор-мачта*, *foreshore* – *приливная полоса*, *crew list* – *судовая роль (список лиц судового экипажа)* и др.) в данный лексикографический источник включены названия болезней, животных, городских строений, частей речи и др.

Такой подход к выбору лексики объясняется тем, что словари составлялись с прикладной целью для людей, владеющих иностранным языком на довольно низком уровне. В отличие от узкоспециализированного словаря профессиональных терминов, именно такой «всеобъемлющий» словарь может быть полезен тому, кто плохо знает даже употребительную лексику. Действительно, для жизни и профессиональной деятельности моряку нужна не только профессиональная лек-

сика: он должен быть в состоянии ориентироваться на местности и найти необходимые учреждения, объяснить цель своего прибытия, назвать симптомы болезни и понять пояснения врача. С точки зрения активно развивающейся в наши дни науки, названной французскими учеными «*dictionnaire*»³, словарь А. С. Кучина пользовался большим спросом. Он с успехом продавался в книжном магазине М. Г. Шашковской в Архангельске, а также распространялся родителями Александра на дому, о чем свидетельствует письмо отца А. Кучина сыну: «Я сегодня был в магазине Шмаковской⁴. Они не знают, как достать твой Р. Норв. словарь. Писали зимою, да ничего не вышло. Я распродал твой словарь, все экземпляры, даже не оставил у себя» [22, с. 59].

Необходимо указать далее, что все три автора-составителя рассматриваемых словарей были капитанами торгового флота, и это также нашло отражение в лексическом составе документов. В «Словаре московитов» значительный пласт лексики — это названия товаров: *du pouvre — persse* (пепец), *de la canelle — carissa* (корица), *du vin clair et — vino grassena* (вино красное), *du morfil — morsoves costy* (моржовая кость) и др. Как подчеркивает Б. А. Ларин, в группу информантов входили купцы, так как именно у торгового люда в ходу было заимствование из персидского *porenge sevuyet — норанж цвет*. В словаре воспроизводится торговая классификация лошадей: *ung cheval muscovite — merin* (мерин); *ung cheval tarte — coin tartaresque* (конь татарск); *ung cheval turc — arguemark* (аргамак); *une mulle — lachacq* (лашак) [11, с. 97–98, 87–88]. Среди вписанных в «Словарь московитов» фраз присутствуют стереотипные формулы, необходимые для торговли: *Combien vault ung regnard noir — Seto dattye lychyse sorna* (Сколько стоит черная лисица?), *Que couste cela? — Stoto dallen?* (Сколько это стоит? / Что бы дала?).

Напомним, что французские купцы, прибывшие на Поморский Север вместе с Жаном Соважем, затем отправились в Москву и добились для представителей Франции существенных привилегий [6, с. 88–94].

Значительную часть словника словаря А. С. Кучина составляют экономические термины, что свидетельствует о его предназначении для общения среди промысловиков, а также в процессе торговли: *doxodъ — intayt*; *банкротство — fallit*; *договоръ — forleg, kontrakt*; *заем — laan*; *заказ — ordre*; *залогъ — pantsættelse*; *выгода — fordal*. Включены в словарь также глаголы экономической тематики, часто с указанием на их сочетаемость (ср. *заказать — bestille, forlange*; *заключить (заемъ) — afslutte*), и даже наречия типа *врозницу — stykkevis*.

В словаре Ф. М. Щепетова внимание уделено транспортируемым грузам, которые могут различаться по способам перевозки, структуре и

³ Данная научная область представляет собой «лексикографический менеджмент», изучающий, в отличие от лексикографии, все то, что связано со словарем как продуктом и предметом купли-продажи: целевую аудиторию, количество страниц, наиболее удобный шрифт, время выхода словаря из печати [25; 26, р. 22, 23]

⁴ Вероятно, в цитируемом источнике допущена ошибка в написании фамилии. Правильно — Шашковская [8].

различным характеристикам: *bulk cargo* – груз навалом, насыпью, наливом, *deck cargo* – палубный груз, *inflammable cargo* – воспламеняющийся груз, *glass ware* – стеклянный товар, *return cargo* – обратный груз, *I am loaded with* – у меня груз (следует название), *deeply laden* – сильно нагруженный. В качестве грузов могут выступать *coal, coke* – уголь (каменный), *railway materials* – железнодорожные материалы, а также различные *merchandise* – товары, именованные которых на первый взгляд излишни в морском словаре: ткани, продукты питания, животные и др.

Связанная с торговлей лексика отражает разные направления товарообмена и соответствует различным экономическим условиям. Однако невозможно не отметить торгово-экономическую направленность всех трех рассматриваемых словарей. Вместе с тем значим тот факт, что лексика, связанная с рыбным промыслом и неотделимая у поморов от мореходства, представлена в словарях Жана Соважа и А. С. Кучина, но отсутствует у Ф. М. Щепетова, поскольку к 1940-м гг. перевозка грузов превратилась в сферу профессиональной деятельности, не обязательно связанную с рыбным и зверобойным морским промыслом.

Объединяет капитанов – авторов словарей и их исследовательский интерес, побудивший Жана Соважа отправиться к берегам Белого моря, а А. С. Кучина и Ф. М. Щепетова – в полярные экспедиции. Вероятно, именно эта исследовательская жилка не позволила им остановиться на морской, торговой и бытовой лексике, заставив записать *Je ne t'ennuierai jamais avec vous* – *Menyest oboyu niescliva* (Мне с тобой не скучно, т. е. не скучно, диал. форма [11, с. 112], Жан Соваж), *балагань* – *telt*, *грамматик* – *gramatik*, *диктантъ* – *diktant* (А. С. Кучин), *abbreviation* – *сокращение*, *adjective* – *имя прилагательное* (Ф. М. Щепетов).

Опубликование «Малого русско-норвежского словаря» А. С. Кучина предшествовало его исследовательской деятельности в сфере мореплавания, в то время как словарь Ф. М. Щепетова стал итогом многолетнего профессионального труда. Поэтому в первом словаре лексика, связанная с Арктикой, представлена незначительным количеством единиц: *льдина* – *is stykke*, *Ледовитый океан* – *Is-havet*, *морж* – *hvalros*. Второй лексикографический источник (впрочем, более объемный) содержит большее количество лексики, связанной с полярным мореплаванием: *drift ice* – *дрейфующий лед*, *fast ice* – *крепкий, неподвижный лед*, *not navigable without ice breaker assistance* – *непроходим без ледокольной помощи*, *I am (or the vessel indicated is) fast in the ice* – *я (или указываемое судно) затерто во льду*, *ice patrol* – *ледовая разведка*.

При сопоставлении словарей-разговорников выявлены также некоторые другие различия. В рассматриваемых словарях был установлен неодинаковый принцип организации материала, отражающий ход работы над лексикографическими источниками.

Жан Соваж, вероятно, записывал единицы просто в том порядке, в каком их слышал, а также задавал вопросы, добавляя слова и фразы, связанные по смыслу с ранее записанным материалом. В результате словарь включает ряды слов по разным темам («товары», «сословия», «части тела», «времена года» и др.) и некоторое количество диалогов. Скорее всего, словарь им самим никак не редактировался. Как отмечает

Б. А. Ларин, предпринятая А. Тэве попытка перестроить источник в алфавитном порядке привела к затуманиванию значения ряда слов и выражений, вырванных из контекста, а также полной потере смысла там, где реплики диалога или части одного предложения оказались разбросаны по рукописи [11, с. 25].

Словарь А. С. Кучина в целом соответствует структуре, которую имеет большинство современных словарей: лексемы расположены в алфавитном порядке. Отступления имеют место в ряде случаев, когда слово с более общим значением или сферой употребления предшествует однокоренным словам: *ель* – *gran* // *елка* (*рожд.*) – *ju'etræ* (общее понятие – один из способов применения); *женщина* – *kvinde, kone* // *женский* – *kvindelig* (имя существительное – образованное от него имя прилагательное); *князь* – *fyrste* // *княгиня* – *fyrstinde* (существительное мужского рода – женского рода). Слово *переводчикъ* – *oversætter, telk* помещено между *переводъ* – *oversættelse* и *перевод денегъ* – *andvisning*. Отметим, что четкой тенденции здесь не прослеживается, а значит, нарушение строгого алфавитного порядка может оказаться следствием неосознанной, а не намеренной опоры на логическую связанность слов. В конце словаря находятся краткие разделы «Алфавит и произношение» и «Несколько о норвежской грамматике», а также своего рода разговорник, представляющий собой диалоги на норвежском языке с дословным переводом на русский. Разговорник содержит фразы, необходимые для повседневной жизни за границей и никак не связанные с профессиональной деятельностью моряков (найти гостиницу, заказать обед, совершить покупки, приобрести билет на судно).

Лексические единицы в словаре Ф. М. Щепетова также выстроены в основном в алфавитном порядке, однако внутри разделов данный принцип расположения слов соблюдается не всегда; имеются слова, приписанные на полях; после каждой буквы оставлено по несколько пустых страниц для добавления новых единиц. Все это указывает на то, что словарь постоянно пополнялся автором.

Ряд ключевых слов сопровождается часто употребляемыми словосочетаниями, выражениями, а также клише. Например, слово *leave* включено в словосочетание *leave (of absence)* – *отпуск, позволение* и дополнено выражениями, в том числе *on leave* – *в отпуску*⁵ и целыми фразами: *I am ready to leave* – *я готов к отходу* и *You should leave as soon as you have raised steam* – *отходите, как только поднимете пар*.

Включение в словарь таких заготовок, больше соответствующих формату разговорника или даже руководства по профессиональной коммуникации, отражает тенденцию к созданию словарей-разговорников. Помимо уже названных словарей, опубликованных в Архангельске в 1900–1930-е гг., приведем в качестве примера военные разговорники, формат которых, разработанный специалистами Военного факультета западных языков Военного института в конце 1930-х – начале 1940-х гг., оказал значительное влияние на формирование издательского формата словарей-разговорников второй половины XX в. [12, с. 22].

⁵ Словосочетание дается в авторской редакции и представляет собой разговорно-просторечный вариант.

Формат словаря-разговорника больше, чем формат обычного словаря, подходит для тех, кто вынужден вступать в коммуникацию с иностранцами, владея их языком на крайне низком уровне (или не владея вовсе). С одной стороны, он позволяет строить простые короткие фразы с опорой на «шаблонные» предложения и заготовки, с другой — слова в этих фразах могут заменяться в соответствии с выбором той или иной лексической единицы из словаря.

При таком подходе семантический принцип группировки лексем удобнее, чем алфавитный, так как он позволяет быстрее находить нужное выражение. Более того, в переводном словаре, где исходным является иностранный язык, крайне трудно найти нужное слово, если лексемы расположены строго по алфавиту⁶. Семантический принцип организации позволяет также подключить ассоциативную память, поскольку слово / выражение входит в логический ряд. Например, в словаре Ф. М. Щепетова за словом *bottom* – *грунт, дно* следуют 19 словосочетаний: *clayey bottom* – *глинистый грунт, дно*; *clean bottom* – *чистое дно* и др. Отметим, что в этом рукописном словаре имеется ряд отступлений от такой логики построения словаря, вероятно потому, что составитель не успел завершить работу. Так, слово *buoy* (*буй*) вне словосочетаний отсутствует, однако в разделе слов, начинающихся на букву *B*, мы находим *bar buoy -s* – *буй на баре*, *entrance buoy -s* – *входной буй* и еще ряд терминов; в разделе со словами на букву *C*: *can buoy* – *тупоконечный или цилиндрический бакен*, в разделе со словами на букву *S*: *spar buoy* – *веха, столбовидный буй*, *spherical buoy* – *сферический буй*. Итоговая вычитка словаря, которую Ф. М. Щепетов, рано ушедший из жизни, не смог произвести, позволила бы исправить такие недочеты.

Необходимо подчеркнуть, что словарь Ф. М. Щепетова содержит не только шаблонные формулы – «заготовки» для устной профессиональной коммуникации, но и фразы, которые могли бы быть помещены в переписку: *I am coming to your assistance* – *Я иду к вам на помощь*; *Y[ou] should keep the (two objects indicated) in one line* – *держите (два указанных предмета) в строю*; *I require more hands* – *мне нужно пополнить команду*; *I am breaking through the ice* – *я пробиваюсь через лед*. Подчеркнем, что данные фразы, в отличие от включенных в словарь А. С. Кучина, непосредственно связаны с профессиональной деятельностью моряков и не составляют особый раздел документа, а рассредоточены по всему словарю. Второе существенное отличие рукописного словаря-разговорника Ф. М. Щепетова состоит в том, что перевод на русский язык не является дословным, как в «Малом русско-норвежском словаре» А. С. Кучина; автор подобрал реплики, которые используются в русскоязычной коммуникации для достижения идентичного коммуникативного воздействия.

Также отметим записанные Ф. М. Щепетовым англоязычные и русскоязычные названия документов, в частности *Cargo gear certificate* –

⁶ Для преодоления семантической хаотичности, имеющей место при алфавитном принципе расположения слов, современные лингвисты предлагают строить словарь по семантическому принципу, сопровождая его алфавитным указателем [9, с. 9].

сертификат на грузовые средства, *Ship's certificate of registry* – свидетельство о приписке судна, *Certificate of competency (officers)* – диплом (судоводительский), *Certificate of seaworthiness* – сертификат мореходца (свидетельство на годность плавания), а также узуальные аббревиатуры, обозначающие в том числе клишированные выражения: *A. C. W.* (*alternator, continuous-wave*) – незатухающая волна альтернатора, *F. S. flagstaff* – флагшток и сокращения: *brk. broken* – разбитый, неровный, шероховатый, бугристый, *abt (about)* – около, приблизительно, кругом, вокруг.

Поскольку все три рассматриваемых лексикографических источника имеют отношение к Поморскому Северу, выявим наличие или отсутствие в них региональных черт в духе лингвистического краеведения. Б. А. Ларин провел тщательный филологический и социолингвистический анализ «Словаря московитов», в результате обнаружив диалектные черты, доказывающие, что словарь был составлен на Архангельском Севере и в число информантов входили местный житель, а также выходец с Севера, который долго прожил в Москве или в южной части России [11, с. 62, 65]. Такую богатую информацию удалось получить благодаря тому, что при записи русской речи Жан Соваж использовал фонетический принцип, опираясь на знание французской, английской, итальянской орфографии [11, с. 122]. Диалектная севернорусская лексика также представлена в рукописном словаре Ж. Соважа: *des harengs – selgua* (сельга, т. е. сельдь), *Je ne m'ennuyerez jamais avec vous – Menyest oboy niescliva* (Мне с тобой не склива; *скливо* = тошно, скучно, диал. форма) [11, с. 110, 112].

Более поздние рассматриваемые словари не отражают фонетическую составляющую, поскольку русский язык был для авторов родным и они владели нормами орфографии. Северная лексика представлена в словаре А. С. Кучина такими единицами, как *пикшуй – hyse* (пикша, рыба тресковой породы), *помор – trandbeboer*. В словаре Ф. М. Щепетова диалектная лексика отсутствует, что объясняется расширением международных контактов за пределы местных связей поморов и выходцев из стран Северной Европы, в связи с чем необходимо было знание языка профессиональной коммуникации с его специальной терминологией и универсальностью, не затуманенной диалектными формами. В словаре Ф. М. Щепетова четко прослеживается умение автора отделить специальное значение слова от общезыкового и из всего многообразия лексических форм английского языка выбрать те, которые необходимы в профессиональной коммуникации моряков. Например, для многозначного слова *bed* приводятся соответствия *русло реки, ложе, ряд, гряда*; к слову *book* – *книга* добавляется конкретное значение *signal book* – *сигнальная книга*.

Во всех трех исследуемых словарях наблюдается некоторая непоследовательность в грамматическом оформлении входящих в них лексем. Прежде всего обращает на себя внимание выбор формы единственного или множественного числа слова. В форме множественного числа зачастую включаются те слова, для которых она свойственна в силу их парности или множественности. Так, у Соважа мы находим *des cartes – cartè* (карты), *des fers de cheval – pattecavoy lachedinne* (подковы ло-

шадины), *les jambes* – *ногие* (ноги), но в то же время *le bras* – *руки* (рука / руки). Непоследовательность объясняется не только тем, что сам Жан Соваж не знал русского языка и, вероятно, просто указывал собеседнику на объект, название которого хотел услышать, но и различием в членении действительности: так, существительное в форме множественного числа *des harengs* (досл. *сельди*) передано при помощи собирательного *selgua* (*сельга*, т. е. *сельдь*). Присутствующий во многих французских формах частичный артикль, который противопоставляется определенному артиклю при несчисляемых существительных, передается при помощи существительных в форме единственного числа: *de lavoine* – *овес*), *du satin* – *атлас*).

В отличие от Жана Соважа, А. С. Кучин и Ф. М. Щепетов обращались к знанию грамматики как родного, так и иностранного языков, поэтому множественное число ряда существительных воспроизводится и в переводе. Так, в словаре А. С. Кучина: *усы* – *barter, skjæg, ноздри* – *hæsebor, папиросы* – *cigaretter*.

Ф. М. Щепетов использует помимо слов, приведенных в форме единственного или множественного числа, оформление следующего типа: *mast -s* – *мачта*, *cargo steamer -s* – *грузовой пароход*, *Christian name -s* – *имя*. Такой подход позволяет, во-первых, указать, что слово является существительным и, во-вторых, упростить для слабо владеющего английским языком пользователя формирование множественного числа. Глаголы могут также отмечаться присутствием окончания *-s*, поскольку оно присоединяется к форме третьего лица единственного числа: *locate -s* – *устанавливать местонахождение*. Интересно, что, например, в строке *name -s* – *фамилия, название, называть* присутствует морфема *-s*, которая может указывать как на множественное число существительного, так и на третье лицо единственного число глагола, при этом приводятся оба соответствующих значения. Однако необходимо подчеркнуть, что использование таких грамматических маркеров осуществляется не всегда последовательно: глагол (особенно неправильный) может сопровождаться то рядом форм (*lay -s, ing, laid* – *класть, положить*), то частицей *to*, указывающей на инфинитив (*hear (heard, heard), to* – *слышать*).

В процессе сопоставительного анализа была выявлена также специфическая запись однокоренных слов в словарях А. С. Кучина и Ф. М. Щепетова: указанные лексемы вносятся в строку в одном, объединенном комплексе: *аптека -рь* – *apothek -er*; *мера -ить* – *maal -e*; *вор -овство* – *tyv -eri*; *восток -чный* – *ost -lig*; *дыра -явый* – *hul -let* (А. С. Кучин); *innacurate -ly* – *неточный -o*; *hygiene, -ic* – *гигиена, -ический* (Ф. М. Щепетов). Такая запись позволяет сократить объем словаря, представив информацию в «концентрированной» форме.

Ф. М. Щепетов в некоторых местах словаря приводит цепочки выражений с одним и тем же глаголом в разных формах, например: *know -s* – *знать*, *Do you know* – *Знаете ли вы*, *Does not know* – *не знает*, *if known* – *если известно* и др. Составитель словаря ориентируется при этом, скорее всего, на пользователя, который слабо владеет английским языком, и в частности не знает спряжения неправильных глаголов.

Такая грамматическая непоследовательность объясняется тем, что авторы, хотя и испытывали искренний интерес к межкультурной коммуникации и переводу, а также, несомненно, не были лишены выдающихся способностей к изучению языков, не имели специального лингвистического образования.

Между тем необходимо подчеркнуть, что Жан Соваж, А. С. Кучин и Ф. М. Щепетов во многом были первопроходцами, то есть выбрали путь, заведомо тернистый и полный ошибок, в ситуации, когда необходимый для каждого из них лексикографический ресурс отсутствовал.

Обозначим основные выводы проведенного сопоставительного исследования.

Поморский Север в силу своего географического положения, а также экономической и политической роли, которую он играл в различные периоды российской истории, стал важным центром межкультурной коммуникации. В являвшемся центром международной торговли Архангельске необходимость в лексикографических источниках профессиональной направленности для общения с представителями того или иного государства ощущалась задолго до возникновения лексикографии как науки. Причем рукописные источники предвосхитили появление печатных словарей, однако возникали они и позже в связи с отсутствием условий для издания, как, например, словарь Ф. М. Щепетова, составленный в годы Великой Отечественной войны.

Мореплаватели и представители морской торговли, как поморы, так и иностранные подданные, пребывавшие на Поморском Севере, осознавали важность успешной профессиональной коммуникации между представителями разных народов особенно остро, поскольку мореплавание и морской промысел в арктических водах всегда предполагали сотрудничество и взаимовыручку при возникновении непредвиденных ситуаций. Моряки стремились не только овладеть основами иностранных языков, но и создать словари, которые в дальнейшем упростили бы эту задачу для других представителей их профессии и простых людей, заинтересованных в межкультурном общении, и тем самым способствовали укреплению и развитию международных связей и повышению роли России в мире.

Формат переводного словаря с элементами разговорника, в который включались многие известные автору-составителю соответствия, позволял обеспечить своего рода коммуникативный подход. Слова и речевые обороты вписывались в конкретную ситуацию общения и могли использоваться даже теми людьми, которые владели иностранным языком на крайне низком уровне и, более того, не ставили перед собой цели развить свои коммуникативные навыки.

Анализ представленных и подобных им лексикографических источников, созданных людьми, занимающимися переводом и межкультурной коммуникацией в процессе своей основной профессиональной деятельности, позволяет увидеть требования таких специалистов к формату издания (словарь или словарь-разговорник), лексическому составу, грамматическому оформлению словаря, что остается актуальным и в ситуации современной коммуникации.

Именно интегративное переводоведение и лингвокраеведение дают возможность взглянуть на лексикографические источники различных эпох в сопоставительном ракурсе через призму исторического, социокультурного, экономического, профессионально-предметного, этического и других аспектов в регионально-специфическом преломлении.

Список литературы

1. Брегман Г. А. Капитан А. С. Кучин // *Летопись Севера*. М., 1962. Т. 3. С. 130–147.
2. Белоглазова О. Ю. Современные технологии реализации лингвокраеведческого потенциала в практике обучения русскому языку как иностранному // *Пятигорский государственный университет*: [сайт]. URL: http://pglu.ru/information/staff/teachers/detail.php?ELEMENT_ID=13663 (дата обращения: 29.08.2018).
3. Боровой В. Я. Поморского корня. Онега, 1990.
4. Ентус Н. Е. Исторический анализ рукописного словаря Ф. М. Щепетова // *Ars Historica*: сб. матер. Всерос. науч. студ. конф. «Проблемы интерпретации исторических источников». Архангельск, 2016. С. 11–15.
5. Ентус Н. Е. Рукописный словарь Ф. М. Щепетова в контексте истории англо-русских словарей морской терминологии // *Лингвистика и перевод*: матер. междунар. науч. семинара «Образ Другого в европейской, азиатской и русской культуре: язык – литература – перевод» (Архангельск, 15–18 февр. 2016 г.). Архангельск, 2017. Вып. 6. С. 60–65.
6. Жордания Г. Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Ч. 1. Тбилиси, 1959.
7. *История переводческой деятельности на Поморском Севере: от Арсения Грека до современных переводов Рильке*: монография / отв. ред. А. М. Поликарпов. Архангельск, 2016.
8. *Каталог книжного магазина М. Г. Шашковской*. Троицкий проспект д. Минейко в Архангельске / сост. Кл. Тарасова. Архангельск, 1896.
9. Камалова А. А., Васильев С. Л. Размышления о словаре интегрального типа // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 3. С. 5–13.
10. Климкова Л. А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве // *Вестник Костромского государственного университета*. 2017. Т. 23, спецвыпуск. С. 92–94.
11. Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков: сб. СПб., 2002.
12. Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
13. Масленников Б. Г. *Морская карта рассказывает*. М., 1986.
14. Мельник Т. Ф. Его любимый Гандвик // Онега, А. С. Кучин и Поморье: сб. матер. 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Онега, 16 сент. 2008 г.). Онега, 2010. С. 19–21.
15. *Общее языкознание: формы существования, функции, история языка* / под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1970.
16. Поликарпов А. М. О переводческих соответствиях в «Нижнегерманско-русском разговорнике» Йоханнеса Фон Хеймера // *Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения*: матер. науч. конф. Архангельск, 2016. С. 1224–1228.
17. Поликарпов А. М. Полярный капитан А. С. Кучин – составитель «Малого русско-норвежского словаря» // *Российский Север и Арктика: история, традиции, образы*: сб. науч. ст. Архангельск, 2016. С. 187–194.

18. Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16, №3. С. 6–17.

19. Полярный капитан Кучин // Московский журнал. 2003. №1. URL: <http://mosjour.ru/2017062345/> (дата обращения: 29.08.2018).

20. Санакина Т. А. Документы архива о полярном капитане А. Кучине // Известия Русского Севера. Журнал о жизни северного края. 2010. №2 (4). С. 31–34.

21. Сенкевич Ю. А., Шумилов А. В. В поисках неведомых земель. Судьбы великих путешественников. М., 2005.

22. Симакова Л. А. Александр Кучин. Русский у Амундсена. М., 2015.

23. Химаныч О. Б. Сокровища Ветреного пояса. Их хранит Онежский край – уникальные земли и море. Онега, 2013.

24. Dotoli G., Voccuzzi C. Art et artisanat du dictionnaire entre passé et avenir // Ela. Études de linguistique appliquée. 2015. №1 (177). P. 101–110.

25. Lo Nostro M. Une dictionnaire possible pour les nouveaux dictionnaires // Ela. Études de linguistique appliquée. 2015. №1 (177). P. 37–47.

26. Pruvost J. Les dictionnaires français monolingues d'apprentissage: une histoire récente et renouvelée // Quaderni del CIRSIL. 2003. №2. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/11068464.pdf> (дата обращения: 29.08.2018).

Источники

Малый русско-норвежский словарь / сост. А. Кучин. Вардэ, 1907.

Парижский словарь московитов // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков : сб. СПб., 2002. С. 62–142.

Щенетов Ф. М. Тетрадь составляемого мною английского-русского словаря в морской жизни и практики, необходимаго на каждом судне. 1940–1942 : [рукопись] // Лич. арх. А. В. Балашенко.

Об авторах

Александра Сергеевна Епимахова – канд. филол. наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.epimahova@narfu.ru

Александр Михайлович Поликарпов – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.polikarpov@narfu.ru

The authors

Dr Aleksandra S. Epimakhova, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

E-mail: a.epimahova@narfu.ru

Prof. Alexander M. Polikarpov, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

E-mail: a.polikarpov@narfu.ru